

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 7 / 2025, Iss. 7 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070:004.738.5

Вызовы цифровой модернизации в странах Средней Азии: роль медиаплатформ в изменении информационного ландшафта

¹ Бай Цзянь

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности цифровой модернизации в странах Средней Азии через призму трансформации медиасреды и роли медиаплатформ в формировании нового информационного ландшафта. Исследование основывается на анализе теоретических подходов к цифровым коммуникациям, а также на сопоставлении национальных стратегий медиатрансформации в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Автор выявляет ключевые вызовы, такие как цифровое неравенство, распространение дезинформации, платформенная зависимость и политический контроль, и анализирует, каким образом медиаплатформы становятся как инструментом гражданской мобилизации, так и объектом регулирования. Работа подчеркивает двойственный характер цифровой модернизации в регионе и предлагает направления дальнейших исследований, включая долгосрочное влияние цифровых медиа на политическую культуру.

Ключевые слова: цифровая модернизация, медиаплатформы, информационный ландшафт, Средняя Азия, медиаграмотность, политическая коммуникация

Для цитирования: Бай Цзянь Вызовы цифровой модернизации в странах Средней Азии: роль медиаплатформ в изменении информационного ландшафта // Современный ученый. 2025. № 7. С. 95 – 102.

Поступила в редакцию: 11 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2025 г.; Принята к публикации: 6 июля 2025 г.

Challenges of digital modernization in Central Asian countries: the role of media platforms in transforming the information landscape

¹ Bai Jiayan

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: this article examines the features of digital modernization in the Central Asian countries through the lens of media environment transformation and the role of media platforms in shaping a new information landscape. The study is based on an analysis of theoretical approaches to digital communications, as well as a comparison of national strategies of media transformation in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan. The author identifies key challenges, such as digital inequality, the spread of disinformation, platform dependence, and political control, and analyzes how media platforms serve both as tools of civic mobilization and as objects of state regulation. The article emphasizes the dual nature of digital modernization in the region and proposes directions for further research, including the long-term impact of digital media on political culture.

Keywords: digital modernization, media platforms, information landscape, Central Asia, media literacy, political communication

For citation: Bai Jiayan Challenges of digital modernization in Central Asian countries: the role of media platforms in transforming the information landscape. Modern Scientist. 2025. 7. P. 95 – 102.

The article was submitted: March 11, 2025; Approved after reviewing: May 7, 2025; Accepted for publication: July 6, 2025.

Введение

В эпоху стремительной цифровой трансформации медиаплатформы играют ключевую роль в изменении информационного ландшафта стран Средней Азии. Этот регион, находящийся на пересечении культурных, политических и геоэкономических влияний, демонстрирует неоднородные, но взаимосвязанные сценарии цифровой модернизации. Актуальность темы обусловлена не только расширением технического доступа к интернету, но и ростом зависимости общества от цифровых каналов в сфере получения, интерпретации и распространения информации.

Как отмечает Рейаз [1], анализируя роль новых медиа в постсоветских государствах, цифровые технологии становятся важнейшими средствами не только коммуникации, но и социально-политической мобилизации, особенно в таких странах, как Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Его исследование показывает, что, несмотря на усилия государств по контролю за информационными потоками, медиаплатформы формируют альтернативные повестки, усиливая горизонтальные связи между гражданами и расширяя пространство гражданского диалога.

Параллельно с этим, исследование Патарей и Климова [2] демонстрирует, как цифровизация политических протестов меняет саму природу массовой мобилизации, делая её децентрализованной, сетевой и устойчивой к репрессиям. Авторы на конкретных кейсах показывают, что медиаплатформы позволяют активистам обойти традиционные каналы коммуникации и оперативно координировать действия.

Особое место в исследовательской повестке занимает медиаграмотность как необходимое условие устойчивого информационного общества. Согласно Сердюк и др. [3], фактчекинг в Казахстане доказал свою эффективность в борьбе с фейковыми новостями и в повышении критического мышления у представителей поколения Z. Однако их анализ также выявил, что медиапросвещение пока слабо интегрировано в формальную систему образования и во многом реализуется только благодаря международным инициативам.

Исследование А.О. Дадахонов[4] подтверждает, что иностранная помощь (например, программы ЮНЕСКО и IREX) сыграла значительную роль в становлении медиаграмотности в регионе. Одна-

ко автор также отмечает, что подобная помощь часто ограничивается отдельными пилотными проектами и слабо охватывает такие страны, как Таджикистан и Туркменистан, где цифровая инфраструктура и уровень гражданской активности остаются низкими.

С другой стороны, как показывают Вихрова, Горлова и Флоряк [5], медиаплатформы, в частности Telegram-чаты, становятся для мигрантов из Средней Азии не только пространством обмена информацией, но и важным инструментом сохранения культурной идентичности и трансляции традиционных ценностей в условиях цифровой диаспоры. Их эмпирическое исследование таджикских сообществ в России подтверждает растущую значимость цифровых каналов как элементов «гибкой социокультурной интеграции».

Тем не менее, несмотря на наличие множества тематических исследований, в научной литературе сохраняется существенный пробел: отсутствует комплексный и сопоставительный анализ роли медиаплатформ в трансформации информационного ландшафта стран Средней Азии. Как показывают обзоры [6, 7], часто упускаются такие критические аспекты, как платформенная зависимость, алгоритмическая фильтрация контента, усиление цифрового неравенства и рост внешнего влияния через глобальные платформы.

Настоящее исследование направлено на восполнение данного теоретико-прикладного дефицита. Цель статьи – выявить ключевые вызовы цифровой модернизации в странах Средней Азии и проанализировать роль медиаплатформ в трансформации информационного пространства. В фокусе – как возможности, так и риски, связанные с развитием цифровой медийной инфраструктуры, изменением моделей потребления информации и трансформацией медийной идентичности в условиях цифровой эпохи. Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном и междисциплинарном анализе роли медиаплатформ в процессах цифровой модернизации стран Средней Азии.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование опирается на качественные методы анализа, направленные на выявление роли медиаплатформ в цифровой трансформации информационного пространства Средней Азии. В качестве основного инструмента исполь-

зовался контент-анализ цифровых каналов (Telegram, YouTube, региональные СМИ), что позволило выявить структуру и тематику медиапотоков. Метод кейс-стади применялся для углубленного анализа медиасреды в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане, а сравнительный анализ позволил сопоставить национальные особенности цифровизации. Дополнительно был проведен дискурс-анализ экспертных публикаций и нормативных документов, что позволило проследить влияние медиа на формирование цифровой идентичности и медиаграмотности в регионе.

Результаты и обсуждения

В современном медиаландшафте понятие цифровой модернизации приобретает всё более междисциплинарный и стратегический характер. Цифровая модернизация трактуется как системный процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ключевые сферы социальной, экономической и политической жизни общества, целью которого является не только повышение эффективности управления, но и формирование новых форм взаимодействия между государством, гражданами и медийными институтами. С позиций теории информационного общества М. Кастельса [8], цифровизация – это не просто технологический переход, а фундаментальное изменение социальных структур, в которых информация становится ключевым ресурсом власти и капитала. В этом контексте медиаплатформы выступают не вспомогательными техническими решениями, а важнейшими институциональными элементами цифровой модернизации, поскольку они контролируют производство, фильтрацию и циркуляцию информации.

Медиаплатформы, такие как Telegram, YouTube, Instagram и TikTok, встраиваются в цифровую экосистему стран Средней Азии неравномерно, отражая и усиливая существующие социальные, политические и технологические асимметрии. С точки зрения медиасистемного подхода Д. Маккуэйла, платформы создают новую модель коммуникации, где границы между производителями и потребителями информации стираются [9]. Этот феномен получил название «прозюмерская модель» (prosumer model), в которой пользователи становятся одновременно потребителями и активными участниками создания медиаконтента. Именно на этих платформах формируются альтернативные повестки, запускаются цифровые протестные кампании, а также распространяются культурные и национальные ценности, как это наблюдается, например, в таджикских цифровых сообществах в России [10]. Таким образом, медиаплатформы становятся новыми актерами меди-

атрансформации – не только технологическими, но и социокультурными и политическими.

Современные теории цифровой коммуникации дают инструменты для более точного осмысления этих процессов. Концепция сетевого общества Кастельса утверждает, что в условиях цифровизации структура власти смещается от вертикальных институтов к децентрализованным сетям, которые опираются на автономную информационную логику. В условиях Средней Азии, где государства сохраняют элементы авторитарного управления, такая трансформация несёт в себе амбивалентность: с одной стороны, открываются возможности для гражданского участия и плюрализма мнений, с другой – государства стремятся к институциональному и техническому контролю над цифровым пространством. В частности, в исследованиях Патарая и Крымова [2] подчеркивается, что новые цифровые инструменты не просто поддерживают протестную активность, но и радикально меняют способы её организации, делая её гибкой, горизонтальной и трудноуправляемой в традиционном смысле.

Государство в условиях цифровой трансформации становится одновременно гарантом и модератором медиапроцессов. С одной стороны, оно выполняет функции цифрового суверенитета: обеспечивает инфраструктуру, регулирует платформы, внедряет стратегии цифровой грамотности. С другой стороны, оно нередко прибегает к цензуре, блокировкам и цифровому надзору, особенно в периоды политической нестабильности. Теория публичной сферы Хабермаса [11] предполагает, что медиaprостранство должно быть открытым, рациональным и инклюзивным, однако в постсоветских странах Средней Азии это условие реализуется частично. Например, в Казахстане и Узбекистане наблюдается развитие e-government платформ, наряду с усилением контроля за блогосферой и цифровыми медиа. Этот двойственный характер цифровой модернизации – между открытостью и управляемостью – создаёт уникальные сценарии медиатрансформации в регионе.

Таким образом, теоретические основания анализа цифровой модернизации в Средней Азии позволяют говорить о формировании специфической модели цифрового развития, в которой медиаплатформы становятся центром новой информационной логики. Они выполняют функции посредника между пользователем, государством и глобальным информационным пространством, трансформируя не только структуру коммуникации, но и само понимание общественного участия, идентичности и медиавласти. Учитывая актуальные вызовы, такие как цифровое неравенство, рост

платформенной зависимости и угрозы информационного вмешательства, необходимо не только изучать технические аспекты цифровизации, но и осмысливать её как культурный и политический процесс с далеко идущими последствиями для общественного сознания и медийной экологии региона.

Анализ теоретических основ цифровой модернизации показывает, что медиаплатформы в условиях Средней Азии выполняют не только информационную, но и социокультурную, а нередко и политико-мобилизационную функцию. Однако в каждом государстве региона цифровая трансформация медиа имеет свои уникальные черты, обусловленные политическим режимом, уровнем экономического развития, доступностью технологий и степенью вовлечённости населения в цифровое пространство. В этом контексте важно рассмотреть страновые модели цифровизации, выявить их общие тенденции, а также различия, отражающие специфику национальных медиаэкосистем.

Казахстан занимает лидирующую позицию в регионе по уровню цифровизации, как в инфраструктурном, так и в институциональном измерении. Ещё с 2005 года страна реализует стратегию «Электронное правительство», активно внедряя ИКТ в систему госуслуг и развивая цифровую грамотность среди населения. Согласно Рейяз[1], Казахстан продемонстрировал стремительный рост интернет-проникновения: к 2017 году свыше 75% населения пользовались интернетом, а социальные сети, в частности Telegram и YouTube, стали важными каналами общественной коммуникации. Примечательно, что в казахстанском медиапространстве наблюдается феномен «двойного дискурса»: официальные СМИ воспроизводят государственно ориентированную риторику, в то время как цифровые платформы становятся ареной альтернативной общественной мысли и критики власти. Примером служит случай с инициативами по блокировке интернет-сервисов во время протестов в январе 2022 года, вызвавший бурную реакцию блогосферы и акцентировавший значение медиаплатформ как пространства гражданского сопротивления.

В Узбекистане цифровая трансформация медиа стала особенно заметной после 2016 года, с началом периода относительной либерализации. Государство постепенно отказывается от тотального контроля над информацией, поощряя развитие онлайн-изданий и блогерской журналистики. Исследование Вартанова Е.Л. и др [12] указывает на всплеск инициатив в области медиаграмотности, а также на рост международной поддержки проек-

тов в сфере МП. При этом, несмотря на нарастающую активность цифрового сектора, сохраняется институциональная неустойчивость: правовой статус блогеров остается неурегулированным, а границы допустимой критики не всегда прозрачны. Тем не менее, в публичной риторике политических элит начинает звучать дискурс «открытого общества», где медиаплатформы рассматриваются как партнёры в модернизации, что создаёт благоприятную атмосферу для формирования цифровой журналистики нового типа.

Кыргызстан представляет собой уникальный случай в регионе. Это страна с относительным плюрализмом мнений, развитым гражданским обществом и высокой степенью цифровой вовлечённости. В Кыргызстане социальные сети становятся не только каналами выражения общественного недовольства, но и полноценными средствами мобилизации. Пример – протесты 2020 года, организованные в том числе через Telegram-каналы, демонстрируют потенциал цифровых медиа как платформ горизонтальной самоорганизации. Более того, в стране существует развитое независимое медиасообщество, включая такие проекты, как Kloop, 24.kg и Factcheck.kg, специализирующиеся на цифровой журналистике и фактчекинге. Это позволяет говорить о формировании модели «цифрового плюрализма», в которой государство зачастую выступает не в роли регулятора, а в роли реактивного участника цифрового дискурса.

На противоположном полюсе находятся Туркменистан и Таджикистан – государства с высоким уровнем контроля над медиапространством и ограниченным доступом к цифровым каналам. В Туркменистане доступ к независимым источникам информации практически отсутствует: большинство международных медиа и социальных сетей заблокированы, а интернет остается медленным и цензурируемым. В Таджикистане ситуация немного мягче, однако и здесь наблюдаются регулярные случаи блокировок Telegram и YouTube во время общественно чувствительных событий. Как показано в исследовании Вихровой и др. [3], таджикская диаспора в России восполняет дефицит информации через Telegram-группы, в которых обсуждаются не только бытовые вопросы мигрантов, но и вопросы национальной идентичности, религии и культурных традиций. Это свидетельствует о том, что даже при жёстком внутреннем контроле цифровая трансформация может происходить в форме «вынесенной публичности» – за пределами национальных границ, но с устойчивым влиянием на соотечественников внутри страны.

Таблица 1

Хронология ключевых событий цифровой трансформации в странах Средней Азии

Table 1

Chronology of key events of digital transformation in Central Asian countries

Страна	Ключевое событие или программа	Год
Казахстан	Старт стратегии «Электронное правительство»	2005
Узбекистан	Начало цифровой либерализации	2016
Казахстан	Интернет-проникновение превысило 75%	2017
Таджикистан	Блокировки Telegram и YouTube	2015–2023
Кыргызстан	Протесты, организованные через Telegram-каналы	2020
Туркменистан	Почти полное отсутствие доступа к независимым медиа	С 2010-х годов

Обобщая страновой анализ, можно выделить несколько сквозных тенденций. Во-первых, повсеместно растёт значимость медиаплатформ как каналов политической, социальной и культурной коммуникации. Во-вторых, наблюдается усиление практик государственно управляемой цифровизации: с одной стороны, запускаются инициативы по развитию МП, с другой – сохраняется тенденция к контролю, фильтрации и даже репрессиям в отношении цифровых активистов. В-третьих, степень цифровой трансформации напрямую коррелирует с уровнем политической свободы и открытости: чем выше уровень институционального плюрализма, тем более разнообразной и устойчивой становится цифровая медиаэкосистема.

Таким образом, медиаплатформы в странах Средней Азии функционируют не в нейтральной цифровой среде, а в тесной взаимосвязи с политическими режимами, историко-культурными особенностями и международными влияниями. Цифровая трансформация медиа в регионе – это одновременно и технологический, и социополитический процесс, открывающий как новые возможности для развития журналистики и гражданского участия, так и новые риски, связанные с контролем, манипуляцией и цифровым неравенством.

Цифровая трансформация медиа в странах Средней Азии, несмотря на внешнюю прогрессивность и технологическое обновление, не является однозначно позитивным или линейным процессом. На смену классическим формам информационного неравенства пришли более сложные формы платформенной зависимости, цифровой сегрегации и манипулятивных алгоритмов. Анализ медийной среды региона свидетельствует о возникновении новых вызовов, которые затрагивают как структуру медиасистем, так и характер взаимоотношений между государством, обществом и транснациональными медиакорпорациями. В этом контексте важно не только зафиксировать пробле-

мы, но и критически осмыслить их природу и противоречивые следствия.

Одним из ключевых вызовов является цифровое неравенство, которое в Средней Азии носит не только инфраструктурный, но и когнитивный характер. Хотя уровень интернет-проникновения в Казахстане и Кыргызстане стремительно растёт, в Таджикистане и Туркменистане по-прежнему остаются значительные барьеры к доступу – как технические (низкая скорость, высокая стоимость), так и политико-регуляторные (цензура, блокировки, дефицит свободных платформ). Однако ещё более опасным становится неравенство на уровне цифровой компетенции. Значительная часть молодёжи использует медиаплатформы преимущественно в развлекательных целях, не обладая навыками критической интерпретации информации. Это создаёт ситуацию «информационного изобилия без смысла», где доступ не гарантирует понимания. В условиях, когда формальные институты образования отстают от темпов цифровизации, медиаграмотность становится вопросом выживания в цифровом обществе – не только личной, но и общественной безопасности.

Другим важным вызовом является распространение дезинформации и фейковых новостей. В условиях слабых профессиональных журналистских стандартов, политической цензуры и низкого доверия к официальным СМИ медиаплатформы превращаются в пространство конкурирующих нарративов, зачастую непроверенных, эмоционально насыщенных и идеологически поляризованных. Особую опасность представляет алгоритмическая селекция контента, усиливающая эффект «информационного пузыря» (filter bubble). В таких условиях пользователь перестаёт сталкиваться с альтернативными точками зрения и формирует представление о мире, подтверждающее его уже существующие установки.

Это подрывает саму возможность публичного рационального диалога, который, является основой демократического медиапространства.

Не менее важным является вопрос контроля над цифровыми платформами. С одной стороны, государства региона стремятся реализовать цифровой суверенитет – защищать граждан от внешнего вмешательства, обеспечивать кибербезопасность, регулировать информационные потоки. С другой стороны, под предлогом безопасности нередко вводятся меры, ограничивающие свободу выражения, доступ к информации и деятельность независимых журналистов. Примером могут служить регулярные блокировки Telegram и YouTube в Таджикистане и попытки регулировать блогосферу в Узбекистане. Такая политика порождает парадокс: стремясь усилить легитимность государства в цифровом пространстве, власти подрывают доверие к себе, провоцируя переход части коммуникации в анонимные, теневые каналы.

Ещё одним аспектом, заслуживающим критического внимания, является растущая зависимость региона от глобальных платформ (Google, Meta, TikTok), которые действуют вне национальных правовых систем, но оказывают реальное влияние на политические и культурные процессы. Это создаёт своеобразную «двойную лояльность»: с одной стороны, локальные пользователи формируют повестку внутри глобальных систем, с другой – эти системы управляются нерегиональными алгоритмами, интересами и корпоративной логикой. Таким образом, цифровая трансформация одновременно усиливает субъектность общества и обостряет зависимость от негосударственных – и наднациональных – структур.

Несмотря на вышеописанные вызовы, нельзя игнорировать и позитивный потенциал медиатрансформации. В странах с более открытой политической системой, таких как Кыргызстан, наблюдается становление цифрового гражданского общества, в котором медиаплатформы выполняют просветительские, мобилизационные и watchdog-функции. В Казахстане активизируются проекты по обучению медиаграмотности, развивается локальное блогерское сообщество, способное конкурировать с традиционными СМИ по влиянию и охвату. Более того, молодёжь в регионе всё чаще использует медиаплатформы не только для самовыражения, но и для социальной критики, культурной рефлексии и институциональных инноваций – от краудфандинга до сетевого волонтерства.

Таким образом, цифровая трансформация медиа в Средней Азии представляет собой диалектически противоречивый процесс. Она не устраняет

старые проблемы, но трансформирует их в новые формы; не всегда усиливает демократию, но радикально расширяет горизонт коммуникации; не отменяет контроль, но делает его более технологичным и незаметным. Главный вызов сегодня – не столько в технологической модернизации, сколько в формировании этической, критически мыслящей и институционально защищённой цифровой среды. Это требует не только политической воли, но и координации усилий – государственных структур, профессионального сообщества, международных партнёров и самих граждан как субъектов цифрового будущего.

Выводы

Цифровая трансформация медиа в странах Средней Азии представляет собой многогранный и противоречивый процесс, в котором медиаплатформы играют двойственную роль – как инструменты модернизации и расширения гражданского участия, так и как потенциальные источники угроз, связанных с манипуляцией, дезинформацией и цифровым неравенством. Исследование показало, что цифровизация медиапространства развивается в условиях институциональной неоднородности: Казахстан и Кыргызстан демонстрируют относительную открытость, тогда как Узбекистан движется по пути контролируемой либерализации, а Таджикистан и Туркменистан сохраняют жёсткие модели цифрового надзора. Тем не менее, во всех случаях медиаплатформы становятся центральными элементами новой информационной архитектуры, способными влиять на политическую повестку, культурную идентичность и гражданскую активность.

При этом выявленные вызовы – от недостаточной медиаграмотности и алгоритмической изоляции до зависимости от транснациональных цифровых корпораций – подчеркивают необходимость выработки сбалансированных стратегий цифрового развития. Простая технологическая модернизация не может рассматриваться как гарантия демократизации или роста критического сознания общества. Требуется не только государственная воля, но и поддержка профессионального сообщества, международных партнёров и самих пользователей, чтобы медиаплатформы стали пространством открытого диалога, а не объектом манипуляции.

Таким образом, медиатрансформация в Средней Азии – это процесс, требующий не технократического управления, а критического осмысления и институционального сопровождения.

Только при условии укрепления цифрового гражданства, этических норм медиаповедения и инклюзивной политики в сфере информации воз-

можно устойчивое развитие медиасреды, способной отвечать на вызовы цифровой эпохи. В качестве перспективы дальнейших исследований особую значимость приобретает анализ долгосрочно-

го влияния цифровой медиаэкспансии на формирование политической культуры в странах Средней Азии.

Список источников

1. Рейяз М. Киберпространство в постсоветских государствах: оценка роли новых медиа в Центральной Азии // Журнал международных отношений Джадавпура. 2019. Т. 24. № 1. С. 7 – 27. DOI: 10.1177/0973598419875266
2. Патарая К.И., Крымова К.М. Национальные сценарии цифровизации политического протеста // Конфликтология / Nota Bene. 2022. № 3. С. 42 – 59. DOI: 10.7256/2454-0617.2022.3.36736
3. Сердюк А.В., Бреслер М.Г., Маноило А.В. Фактчекинг как основа медиаграмотности центиниалов в странах Центральной Азии (на примере Казахстана) // Этносаясат. 2022. № 1-2. С. 77 – 80.
4. Дадахонов А.О. Эффективность иностранной помощи в сфере медиаграмотности в странах Центральной Азии // Журналистика и коммуникация. 2024. Т. 12. С. 48 – 72. DOI: 10.4236/ajc.2024.121003
5. Асадова З.А. К. Состояние и стратегии обеспечения информационной безопасности в странах Центральной Азии на примере Республики Казахстан // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 92 – 96.
6. Гринчевский А.С. СМИ как инструмент информационной политики России // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. № 3. С. 278 – 287.
7. Сафаров Р.Р. Средства массовой информации в Российской Федерации: влияние на общественное мнение и проблемы // Вопросы студенческой науки. 2023. № 7 (83). С. 167 – 170.
8. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2008. № 1. С. 107 – 110.
9. Ивченков В.И. Роль стилистики в изучении журналистского текста как социального действия // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 34 – 42.
10. Ризоев Ш.Х. Медиа в системе политической коммуникации современного Таджикистана // Коммунология. 2024. Т. 12. № 4. С. 28 – 40.
11. Шамаев И.Н. Теория трансформации публичной сферы Юргена Хабермаса и актуальные процессы блогосферы // Массовая коммуникация в современном мире: вызовы и перспективы: сб. науч. тр. 2014. С. 170 – 173.
12. Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю., Самородова Э.В. Медиаграмотность как условие преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации // Медиаскоп. 2021. № 1. С. 1.

References

1. Reyaz M. Cyberspace in Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia. Jadavpur Journal of International Relations. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 7 – 27. DOI: 10.1177/0973598419875266
2. Pataraya K.I., Krymova K.M. National Scenarios for the Digitalization of Political Protest. Conflictology. Nota Bene. 2022. No. 3. P. 42 – 59. DOI: 10.7256/2454-0617.2022.3.36736
3. Serdyuk A.V., Bresler M.G., Manoilo A.V. Fact-checking as a basis for media literacy of centennials in Central Asian countries (using Kazakhstan as an example). Ethnosayasat. 2022. No. 1-2. P. 77 – 80.
4. Dadakhonov A.O. Effectiveness of foreign aid in the field of media literacy in Central Asian countries. Journalism and Communication. 2024. Vol. 12. P. 48 – 72. DOI: 10.4236/ajc.2024.121003
5. Asadova Z.A.K. State and strategies for ensuring information security in Central Asian countries using the Republic of Kazakhstan as an example. Bulletin of MGIMO-University. 2016. No. 6 (51). P. 92 – 96.
6. Grinchevsky A.S. Media as an instrument of Russia's information policy. Social and humanitarian knowledge. 2024. Vol. 10. No. 3. P. 278 – 287.
7. Safarov R.R. Mass media in the Russian Federation: influence on public opinion and problems. Questions of student science. 2023. No. 7 (83). P. 167 – 170.
8. Obukhov K.N. Network as a social structure: model of network communication in the theory of M. Castells. Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Psychology. Pedagogy”. 2008. No. 1. P. 107 – 110.
9. Ivchenkov V.I. The role of stylistics in the study of journalistic text as a social action. Medialinguistics. 2014. No. 1 (4). P. 34 – 42.
10. Rizeev Sh.Kh. Media in the system of political communication of modern Tajikistan. Communicology. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 28 – 40.

11. Shamaev I.N. Theory of transformation of the public sphere of Jurgen Habermas and current processes of the blogosphere. Mass communication in the modern world: challenges and prospects: collection of scientific papers. 2014. P. 170 – 173.

12. Vartanova E.L., Vikhrova O.Yu., Samorodova E.V. Media literacy as a condition for overcoming digital inequality in the Russian Federation. Mediascope. 2021. No. 1. P. 1.

Информация об авторе

Бай Цзянь, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, mollybai0220@gmail.com

© Бай Цзянь, 2025